

Григорий Петрович Данилевский

Жизнь через сто лет

**Данилевский Григорий
Петрович
Жизнь через сто лет**

Григорий ДАНИЛЕВСКИЙ

ЖИЗНЬ ЧЕРЕЗ СТО ЛЕТ

Еще никто не видел моего лица.

Древняя надпись на статуе Изиды.

Настоящий рассказ относится к нынешнему веку, а именно к 1868 году.

Некто Порошин, молодой человек лет двадцати пяти-шести, черноволосый, сухощавый, бледный и красивый, незадолго до времени, которого касается этот рассказ, кончил курс в Московском университете, где избег тогдашних волнений молодежи, вследствие особого склада своей природы. Все его помыслы, стремления и привязанности вращались в особом, заколдованном кругу, который можно бы назвать "идеальным", в обширном значении этого слова. Он читал философов, деистов, но рядом с ними и натуралистов, последних - для сравнения с первыми, Жадно пробегая в газетах известия о сверхъестественных явлениях, призраках, сомнамбулистах и медиумах, он сам, впрочем, не верил в практический сомнамбулизм и медиумизм, особенно в те его проявления, которые трактуются и публично показываются шарлатана-

ми вроде Юма, Бредифа, Следа, братьев Эдди и других фокусников этого пошиба. Приехав в 1868 году в Париж, для поправки своего вообще расстроенного и слабого здоровья, Порошин посещал лекции разных ученых, но не пропускал и других диковинок, в том числе фантастических вечеров вроде сеансов Робер-Гудена и ему подобных, где показывались опыты так называемой высшей физики, явления спектров, ясновидения и прочие трансцендентальные затеи, где он наблюдал за тем, как ловкие, умные и вообще всегда весьма милые французские фокусники-шарлатаны морочат уличную, пресыщенную другими удовольствиями толпу. Однажды Порошин сидел в зале такого физика. На сцене была усыплена какая-то белокурая девица, читавшая запечатанные письма и диктовавшая рецепты больным из публики. Все шло хорошо, как по маслу. Щеголеватый профессор сомнамбулизма, во фраке, в белом галстуке и таких же перчатках, щебетал с кафедры перед спящею ясновидящей, сыпля именами новейших светил реальной философии и путая, по обычаю французов, Шопенгауэра с Гартма-

ном и Штрауса с фейербахом. Становилось очень скучно. В зале была давка и духота. Лампы тускло освещали море голов. И в то время, когда Порошин уже хотел уезжать, одна из этих голов, в красной восточной феске, шевельнулась среди публики, и из ее уст послышался резкий голос: - Это шарлатанство, надувательство грубого вида! Все всполошились, оглянулись. Профессор смутился. - Грубый обман и ложь! - повторил громко человек с красивым смуглым и умным лицом. - Публика должна протестовать... - Кто вы? - спросил хозяин вечера. - Так не смущают зрителей! Если вы не верите в опыты ясновидения, зачем сюда пришли? Зачем платили деньги? Можете их получить обратно... - Шарлатанство! - твердил тот же восточный человек, очевидно армянин. - Я говорю не против сомнамбулизма, а против таких обманов, какие разыгрываются здесь... Вы усыпили свою соучастницу. Она не спит, а потому такая же обманщица, извините, как вы... Но я верю в ясновидение, - я его поклонник и занимаюсь им давно... В публике, смешанной с подставными, очевидно, наемными зрителями, под-

нялся невообразимый шум. Армянин в феске вскочил на стул, показал руками, что хочет говорить. - Но я верю в могучую, беспредельно-великую силу сомнамбулизма, - смело продолжал армянин ломаным французским языком, когда все затихло.- Я сам владею даром усыпления... И вот доказательство... - Вон его, за дверь! долой! - кричали подставные клакеры, с красными, вспотевшими лицами. - Пусть говорит, пусть делает опыт по-своему! - кричали другие из зрителей, толпясь к сцене. Сконфуженный, с измятым галстуком и распоротой в давке фалдой фрака, взъерошенный маг-профессор, со своим помощником, возвратился на кафедру. Туда же дали пройти и человеку в феске. - Я хочу, желаю, требую, чтобы вы сами заснули! - сказал последний, обращая черные, повелительные и умные глаза к профессору.- Садитесь, вот так: сложите ваши руки и спите... слышите ли? спите, я приказываю!.. Профессор улыбнулся, поморщился, сел, окинул общество растерянным, недовольным взглядом; очевидно против воли закрыл глаза, зевнул... и, к удивлению всех, заснул. Армянин сложил на груди руки,

поглядел так же повелительно на помощника профессора, шершавого, коротко остриженно-го и рыжего малого, очевидно из отставных военных, поднял руку, устремил к нему протянутые пальцы-помощник также заснул... Изумление публики было без границ. Все замерли, глядя на таинственную феску. - Заседание наше кончено! - сказал армянин, медленно и важно сходя со сцены.- Вы видели! вот сомнамбулизм! Поднялась давка и суета. Все хотели его видеть ближе, с ним говорить. Но таинственный незнакомец исчез в толпе, точно провалился сквозь пол.

"Не верится,- подумал Порошин, уходя из залы практической физики,- старые шутки на новый лад! Простодушные, легковерные французы не догадались, дали промах. Очевидно, и армянин был тем же наемным, подставным лицом... Маг-профессор заметил охлаждение к себе посетителей, ну, и придумал таким образом подогреть их внимание. Та же реклама, то же шарлатанство. Да при этом и не особенно оригинально... Известна проделка американского журналиста, который, для поднятия подписки на свой журнал,

стал печатать в других изданиях самые резкие, наглые на себя нападки от вымышленных лиц: одни печатно выставляли его мошенником и клятвопреступником, другие воров и убийцей, третьи развратником в колоссальных размерах. Он не скупился платить за такие дружеские рекламы, пока все не задумались - да видно же любопытный это и недюжинный человек, когда о нем все так кричат! - и стали раскупать его собственную газету". Прошло с этого вечера несколько месяцев. Порошин забыл о сомнамбулисте-профессоре и об армянине. Раз он шел с товарищем Чубаровым сквозь Луврский двор. Видит, Чубаров раскланялся с каким-то человеком в феске. Порошин узнал армянина. - Как ты его знаешь? - спросил он Чубарова. - Еще бы не знать такой замечательной особы,- ответил с улыбкой Чубаров. - Мы с ним жили как-то на водах, в Германии. - Да чем же он знаменит? - Помилуй, он вызыватель духов, медиум и чуть не заклинатель змей... - Нет, вздор! ты шутишь,- возразил Порошин,- ты не такой, чтоб знался с вызывателями духов и заклинателями змей... Слушай, чему я был

очевидцем.. Порошин передал рассказ о случае в зале профессора ясновидения. Чубаров задумался. - Ты ошибаешься, это не шарлатан и не мог быть в стачке с сомнамбулистами! - сказал он.- У этого армянина, черт бы его побрал, есть действительно кое-какие способности... Но я тебе, Порошин, о них не сообщу... - Почему? - Ты за последнее время что-то уж очень похудел, еще стал бледнее, и зрачки вон у тебя несколько расширены, и нервный ты такой... Тебе это опасно, я же испытал... - Полно, глупости! расскажи! - пристал Порошин к приятелю.- Не мучь меня; правда, какая бы она ни была, никогда меня не потревожит... Я добиваюсь истины; одна ложь, одни обманы мучат и раздражают меня... Расскажи, открой, в чем это дело? Ты верно знаешь и адрес армянина, у него бывал и здесь... Так после вод не встречаются... Он на тебя посмотрел очень сочувственно... Делать нечего, Чубаров зашел с Порошиным в кафе, на набережной Сены, и это ему сообщил. Оказалось, что армянин, адрес которого Чубаров здесь же передал приятелю, обладал секретом - переносить человека, во сне, через сто лет вперед. - И ты этому

веришь? - спросил с болезненной улыбкой Порошин. - Еще бы,- нехотя ответил Чубаров, - как не верить, когда я сам, благодаря этому странному человеку, испытал такого рода путешествие... - И не раскаиваешься? - Пожалуй, с некоторой стороны, досадно и даже обидно... - Почему обидно? - Да потому, что не хотелось, а пришлось проснуться... Во сне было так хорошо... - Гм! и как он это делает? - Дает, представь, какие-то пилюли... - Что в рот, то спасибо? - раздражительно засмеявшись, спросил Порошин. Экие ловкие эти азиаты! Ну, можно ли так морочить людей? Да еще, пожалуй, и деньги берет? - Берет, друг мой, и большие... - Гм! - промычал Порошин.- Отсохни моя рука, если я ему дам хоть полушку за такой обидный обман. Чубаров, однако, был убежден, что Порошин не вытерпит, и боялся особенно за его здоровье, не очень-то подходящее для таких опытов. Так и случилось. Порошин в тот же день думал-думал, нанял фикр и покатил по бульварам на площадь Трона, украшенную двумя колоннами, с бюстами старинных французских королей, где, по адресу Чубарова, жил таинственный армянин.

Армянин жил с женою, хорошенькою и молодою женщиной. Он принял гостя не совсем дружелюбно. - Вы можете перенести меня в будущую жизнь? - спросил Порошин армянина, после первых с ним объяснений. - Да... но только в будущую жизнь - на земле. - Понятное дело... Где же именно и когда вы мне дадите пожить в будущем? - Здесь же, в Париже... иначе, разумеется, и быть не может! Вы заснете в моей комнате и очнетесь в ней же, через сто лет, то есть проснетесь через секунду, когда задремлете, и очутитесь во времени, которое настанет для Парижа, для целого света, по прошествии ста лет... - Чепуха, - в волнении и сердито произнес Порошин. - Извините меня, галлюцинации какие-нибудь от наркотических средств. Еще дурно сделается, будет голова трещать, как раскаленный котел, отупеешь на время, руки будут трястись... - Видно, что вы уж пытались делать такие эксперименты, - сказал, чуть заметно усмехнувшись, армянин. - Ну, да... был так слаб, увлек один индеец, здесь же, на всемирной выставке, - ответил Порошин. - Все

увидите сами, сами испытаете,- произнес серьезно и как-то задумчиво-грустно армянин.- Мои средства иные, безвредные, достались от отца, от деда на родине, в Армении. Не всего достиг человек, слабы силы смертных,- но кое-что открывается мудрым Востока, достойным умам. Знаете надпись на статуе богини Изиды: еще никто не видел моего лица? Да, это бывает открыто немногим. - Кому открыто? не верю... - сказал Порошин.- А уж в Азии еще более, простите, падких к проделкам, ловких фокусников и шарлатанов. Я долго об этом думал... а впрочем, сколько стоит ваш опыт с усыплением? - По сто франков за день, а если неделя, - несколько дешевле - пятьсот франков за неделю! - спокойно и так же задумчиво ответил армянин. - То есть как пятьсот за неделю? За какую неделю? - Ну, вы проснетесь и, положим, захотите прожить в том веке, то есть в 1968 году XX столетия, ровно семь дней... вот за каждый день и внесете плату! - Когда внесу? - Вперед, разумеется... - Ха-ха-ха! Что вы! - засмеялся Порошин.- Нашли простака, чтоб я этому поверил. С вас еще надо взять деньги за эту шутку... Слыши-

те ли, наесться ваших восточных специй и, в смешном виде, пластом пролежать перед вами час-другой, потешая вашу наблюдательность... - Не час и не два, ровно неделю, повторяю, вы будете спать,- сказал с достоинством и так же спокойно армянин.- И дело вовсе не шуточное, не на смех! Есть немало охотников... и не одни молодые люди, как вы, а солидные ученые, буржуа,- и даже владельческие особы обращаются ко мне и к моей жене... - Какие особы? И почему также к вашей жене? - Тайна досталась нам от ее родных, пешаварских армян; ее и меня звали с этой тайной в Испанию, Италию и даже в Мексику; испанская королева два раза засыпала, при нашем посредстве, а покойный мексиканский император, несчастный Максимилиан, мне даже пожаловал орден незадолго до своей катастрофы... "Ну, уж я-то не засну, ни в каком случае!" - сказал себе с твердостью Порошин, уходя от армянина. Ему показалось, что жена последнего, провожая его с лестницы, смотрела на него подозрительно и насмешливо, как бы мысля: "Придешь еще, голубчик, придешь".

Так и случилось. На другой же день Порошин возвратился на площадь Трона, к армянину. - Вот пятьсот франков,- сказал он, запыхавшись от высокой лестницы и поспешной, тревожной ходьбы.- Где ваши снадобья? Я готов... - Это для меня,- сказал армянин, считая тонкими, белыми и нежными, как у женщины, пальцами принесенное золото.- Но ведь нужны деньги и для вас? - Какие деньги? это еще для чего? - Вы же проснетесь в том веке, проживете в то именно время - семь дней сряду, - вам нужно есть, пить, захотите, пожалуй, и удовольствий. - Сколько нужно? - спросил, глядя в пол, Порошин. - Это зависит от вас самих... смотря по вашим наклонностям. Ваших привычек я не знаю, - Однако же... и мне притом трудно... я там, понимаете, не жил... экая чепуха! даже смешно... Порошин, однако, теперь не смеялся. Глаза его были строги и с острым, лихорадочным блеском смотрели куда-то далеко. Побледневшие его губы слегка вздрагивали. Армянин подумал с минуту. - Полагаю, - сказал он,- этих денег, то есть пятисот франков, будет достаточно... Я устрою их

обмен и вручу вам их перед сном,- а проснувшись вы отдадите мой заработок особо - мне или жене... - Вексель надо? - спросил Порошин. - О! я вам и так поверю, - ответил армянин. - Кроме того, вам нужно... платье... - Какое платье? - Да через сто лет, надеюсь, не в этой жакетке и не в этих узких панталонах будут ходить. - Где же я возьму? притом здешние портные вряд ли подозревают будущие моды... - О! я вам и в этом помогу! У моей жены есть на такой случай запас. Армянин сходил в комнату жены и вынес оттуда картонную коробку с платьем, замшевый мешочек, какой-то странного вида ящичек и небольшую жаровню. - Вот наряд, в котором парижане будут ходить через сто лет,- сказал он. А это тогдашние, то есть будущие монеты. Он вынул из картонки шелковый просторный полукафтан, или скорее полухалат, яркого, невиданного, восточного цвета, до колен, такие же широкие панталоны, еще более яркий шейный платок и мягкую соломенную, в виде зонтика, шляпу и открыл замшевый мешочек. Из мешочка он высыпал горсть золотых монет, с надписью на одной их стороне, по-

французски: "Равенство, свобода, братство" - "Французская Республика 1968 г." - а на другой стороне - какие-то восточные письмена вроде арабской или еврейской азбуки или даже иероглифов. - Нелепость! - сказал, отвернувшись, Порошин. - У французов никогда не будет республики... Они по природе монархисты, а вкусом - фетиши... Да и вы рискуете: теперь здесь правит Людовик Бонапарт - его агенты увидят вас эти монеты, вы еще насидитесь в полиции, вас осудят и вышлют. - Это уже мое дело,- серьезно и сухо ответил армянин. Он раздул принесенную с угольями жаровню и взял в руки серебряный, с финифтью, изящного и странного вида ящичек. Из ящичка он вынул несколько зерен. Зерна были черные, блестящие, точно выточенные из агата. - Эти пилюли, - произнес с важностью и даже благоговением армянин,- вы примете, если на это решились, одну за другою... Вот ровно семь пилюль, вы проглотите их и, проспав здесь семь дней, ровно столько же дней проживете в следующем веке... Понятно ли вам? Но еще одно условие, - не мое, а тех, кто оставил нам эти зерна. - Какое? го-

ворите скорее: не мучьте, не томите, у меня точно лихорадка... - За каждый день жизни в том земном веке, то есть через сто лет,- вы одним годом менее проживете в этом свете, или веке... Условие - извините не шуточное, и я вас о том предупреждаю... Подумайте прежде, чем решитесь заснуть. - Давайте ваши пилюли, я решился! - ответил, покраснев, Порошин. - Не хочу откладывать, давайте теперь же. - Порошин взял пилюли. Армянин помог гостю переодеться в принесенное "будущее платье", причем услуживал ему с отменной любезностью. Незаметно вошедшая в это время жена армянина полуспустила гардины на окна, переставила некоторую мебель и бросила на уголья жаровни какую-то нежнопахучую, янтарного цвета, смолу. В комнате мгновенно стал распространяться необъяснимый, томительно-сладкий, опьяняющий запах. - А что это за надписи на обороте монет? - спросил он хозяина. - С какой стати во Франции будут чеканить на национальных деньгах подобные азиатские письма? - Это все вы узнаете сами, проглотив последнюю из пилюль, вежливо-сдержанно ответил восточный

маг. Порошин взял на ладонь поданные зерна, поглядел на них с секунду и быстро проглотил их одно за другим. Армянин указал ему на ключ в двери, стакан и воду в графине, также вежливо откланялся и вышел с женой. "Посмотрим, - подумал Порошин, замыкая за ними дверь.- И уж если надуют, я не пощажу их, обо всем напечатаю в газетах..." Он подошел к столу, выпил залпом стакан воды и взглянул на площадь Трона в окно. Наступал вечер. Солнце золотило крыши домов, колонны с бюстами королей, фонтан и ветви старых каштанов. Непонятная, чарующая нега стала охватывать Порошина. "Нет! не поддамся! даже вовсе не засну и посмотрю, что будет!" - сказал он себе, принимаясь ходить по мягкому, пестрому ковру небольшой, уютной горенки. Долго ли так ходил Порошин, улыбаясь предстоящему испытанию и думая о своей решимости наблюдать, - этого он впоследствии не помнил. Подойдя к окну, он опять взглянул на площадь и потер глаза: площадь Трона как бы застлало туманом. Порошин присел на кушетку, склонил голову. "Да что же это со мною? - мыслил он. - Я как будто

дремлю!" Он почувствовал, что, одолеваемый неудержимой склонностью заснуть, он ложится, протягивает ноги и против воли дремлет, даже засыпает. ..."Нет, черт возьми, не засну! Не засну, ни за какие блага на свете!" сказал себе Порошин, усиливаясь выбиться из сладких, охвативших его грез, усиливаясь не покориться им и встать. ...Это ему как бы удалось... Он вскочил и подошел к окну. Что за чудо? Та же самая площадь Трона, те же колонны с бюстами, фонтан и каштаны,- но как будто и не те. Солнце било косыми, фантастическими, желтовато-розовыми лучами. Пахло опьяняющим запахом лилий, ландышей или акаций. Голова кружилась, как весной в цветущей теплице. Улицы кипели народом. На балконах и в окнах развевались веселые, причудливые флаги, знамена. Очевидно, был какой-то праздник. Осьми- и десятиэтажные дома были снизу доверху увешаны громадными хромолитографическими картинами, в виде вывесок. Звуков подков и колес не было слышно. Странного вида экипажи, одноярусные, двух- и даже трехъярусные omnibusы, кареты, красивые с зонтами долгуши и ка-

кие-то паланкины вроде подвижных беседок, наполненные проезжавшей публикой, двигались среди залитой асфальтом площади, - как подумал Порошин, - на обитых гуттаперчевыми шинами колесах и по гуттаперчевым рельсам, а главное - без помощи лошадей и пара. "А! С помощью сжатого воздуха! - догадался Порошин. - И какая масса грамотных, охотников до чтения новостей... Все на крышах омнибусов, в паланкинах и долгушах с громадными листами газет". Едущая публика снизу казалась, с этими газетными листами, в виде двигавшейся громадной нивы белых грибов... За площадью была видна часть новой городской стены, окружавшей Париж. Простым глазом можно было рассмотреть, что на этой стене ходили, в странных, длинных одеждах, вооруженные воины, а над ближайшей крепостной башней развевалось исполинское красное знамя, с изображением желтого дракона. "Что за чепуха! дракон! - подумал Порошин. - И откуда в Париже дракон? Точно во сне, а между тем я вовсе уже не сплю". Сгорая любопытством, он осмотрелся, увидел, что и на нем одежда, походившая на

одеяние уличной публики, поспешил отомкнуть дверь комнаты и спустился на улицу, так как наступал вечер и солнце готовилось зайти за башню с знаменем.

* * *

Очутившись на асфальтовой, в виде узорного паркета, мостовой, Порошин прежде всего убедился, что находится действительно среди тех же ему знакомых парижан: бойкая французская речь, веселые возгласы, шутки, азбука надписей на вывесках, - все убеждало, что он в самом деле в Париже. Но как, с кем и о чем ему заговорить? Ведь он из далекого XIX века, ведь люди XX века сразу его распознают, или просто, не поняв, сочтут за сумасшедшего, подозрительного, еще арестуют, запрут на все семь дней в тюрьму. Что у него с ними общего? И как эти новые люди встретят его понятия, самые обороты мыслей, речения, слова? "Надо спросить книжную лавку,- решил на площади Порошин, - кабинет для чтения, а еще лучше кафе-ресторан!" Там он лично и без постороннего пособия ознакомится с текущими событиями, с новостями того любопытного, неразгаданного дня... Но какого дня? Он

заснул, или точнее его стремились усыпить-в среду, 15 августа 1868 года. Посмотрим... - "Нет! - сказал себе Порошин. - Не стану ни о чем спрашивать, ни о книжных лавках, ни о кафе-ресторане; сам все найду". Отыскав поблизости кофейню, Порошин подошел к столику, взял газету с заголовком: "Гений XX века" и стал ее читать. Чем далее он читал этот "Гений" и другие газеты, тем более рябили в его глазах разные диковинки и чудеса: расписание подземных поездов железных дорог, между Англией и Францией; экспедиция из всеславянского торгового порта, Константинополя, в срединное море Африки, искусственно устроенное на месте бывшей песчаной Сахары, куда напустили воду из более возвышенного Средиземного моря. В одной из газет, в передовой статье, Порошин наткнулся на фразу: "В старые, незапамятные годы, после низвержения династии Бонапартов и, как известно, во время правления ныне угасшей династии Гамбеттидов..." Волосы шевельнулись на голове чтеца, и он боязливо оглянулся, не увидел бы его за чтением таких ужасов полицейский сержант. - "Ужели крас-

нобай Гамбетта мог действительно когда-нибудь сменить во Франции династию Наполеонидов? - подумал Порошин,- Но кто же теперь правит французами?" - Едва он это помыслил, как ему в глаза попала новая, более загадочная фраза. Он обратил внимание на заголовок последнего законодательного акта... "Божьею милостью и по воле правительствующего высокого народа китайского, - мы, европейские министры его светозарного величества, императора Китая и богдыхана Европы, - по зрелом обсуждении в местных и общем европейском парламентах, постановили и постановляем..." - "Как? китайцы? вот небывальщина! и откуда взялся в Европе богдыхан? спрашивал себя Порошин.- Как бы это в точности узнать? Спросить? Но кого? Меня как раз сочтут за безумного, незнающего таких, повидимому, общеизвестных вещей, как история дня, обратят на меня внимание... Вот что... - обрадовался Порошин, - надо обратиться к учебнику истории прошедшего века, или еще проще - купить календарь..." Порошин подошел к буфету, выпил рюмку какой-то спиртной специ, очень отдававшей шафра-

ном и имбирем, и закусил тартинкой; последняя тоже обратила на себя его внимание: оказалось, что это был ломтик хлеба, с приправой "птичьего гнезда". Буфетчик и слуги были с бритыми головами, длинными, заплетенными косами и в черных шелковых, китайских шапочках. Посетители сидели с опахалами; на головах военных были широкополые шляпы с шариками и павлиньими перьями. Везде отзывалось китайщиной, и это очень шло к французам, как известно, и в былое время, в XIX столетии, бывшим великими охотниками до разных китайских побрякушек. Найдя книжную лавку, Порошин купил и там же стал читать календарь. То, что он узнал из этого чтения, привело его еще в большее изумление. Оказалось, что китайцы, которых, по исторической статье календаря, в половине XIX века считалось около 300 миллионов, уже в то время начинали смущать политико-экономов страшно-быстрым ростом своего народонаселения. К концу же XIX столетия китайцев считалось до 500 миллионов, т.е. половина всего человечества, живущего на земле. Наступил XX век, и в первую четверть

этого нового века народонаселение Китая возросло до 700 миллионов. Жители Небесной империи, соперничая с своими соседями, японцами, переняли у Европы все практические познания, в особенности гениальные технические изобретения европейцев в деле войны. Они завели громадную сухопутную армию в 5 миллионов солдат и исполинский паровой флот в сто мониторов и вдвое быстрых, гигантских паровых крейсеров. Покрыв свою страну сетью железных дорог, которые у них дошли до Западной Сибири и Афганистана, они сперва покорили и поглотили изнеженную Японию, потом завоевали и обратили в свои колонии республику Соединенных Штатов Америки, в чем им помогла новая, истребительная междоусобная война Северных и Южных Штатов, которою наполнилось начало XX века, при постыдном соперничестве двух тогдашних президентских династий. Переселив в завоеванную Америку избыток своего народа, теснившегося под конец, за недостатком земли, на плавучих и свайных постройках их рек и озер, китайцы обратили внимание на Европу. Они послали

свой флот в Атлантический океан, где в 1930 году произошла колоссальная морская битва китайских мониторов с мониторами еще существовавших тогда, самостоятельных государств европейского материка, - Англии, Франции, Италии и Германии. Дело, по словам календаря, решилось особыми подводными, китайскими "минами-пушками", которые подплывали под килевые части европейских мониторов и, стреляя залпами бомб, начиненных динамитом, взрывали и топили эти грозные когда-то суда. Европа в 1930 году была завоевана Китаем... Отдельные, во время оно сильные и славные государства, Франция, Англия, Италия и Германия, поглотившие незадолго перед тем ряд второстепенных стран - Испанию, Австрию, Швецию и Данию, были в свой черед поглощены и упразднены китайцами. Победители прекратили их самостоятельное существование и обратили их, как и Америку, в свою колонию. Явилась федеративная Европа, которой богдыхан, в утешение туземных ученых и публицистов, дал название "Соединенных Штатов Европы", подчиненных китайскому императору. Сам

он с тех пор стал именоваться богдыханом Европы, как некогда английская королева носила титул императрицы Индии. Порошин с трепетом стал доискиваться в занимательном календаре сведений о судьбах России. Она, к его утешению, уцелела в этой общей ломке, вследствие своего дружеского китайцам нейтралитета, который она объявила во время нашествия жителей Небесной империи на Европу,- в отместку Англии за Пальмерстона и его преемников, Франции - за Наполеонидов, Австрии - за ее вечные измены и предательства и Германии - за Бисмарка, "прижимавшего славян к стене..." "Досталось всем сестрам по серьгам!" - радостно подумал Порошин, читая эти откровения прошлого... Богдыхан, за дружбу к России, дав средство славянам окончательно изгнать турок в Азию ("Вон до какого времени была эта возня!" - подумал Порошин) и образовать на Балканском полуострове отдельную славяно-греческую дунайскую империю, дружественную России, не мешал и русским исполнить их последний, главный долг... Русские, как гласил календарь, благодаря железной дороге, устроен-

ной от Урала до Хивы и нового передового поста китайцев на западе до Афганистана, разбили англичан в Пешаваре, выгнали их из Восточной Индии и устроили третью российскую столицу в Калькутте. Милости богдыхана к завоеванной Европе были, впрочем, неизреченны. Обложив европейский, покоренный его войсками, материк тяжкою ежегодною данью - в миллиард франков - и обязанностью обрабатывать на своих фабриках исключительно китайское сырье, богдыхан упразднил все непроизводительные европейские армии и флоты ("Вон когда Лига мира дождалась исполнения своей грезы об общем разоружении!" - не утерпел подумать Порошин). Заменяя эти постоянные войска сухопутною и морскою гражданскою "китайскою жандармерией", китайцы окружили главные столицы и города упраздненных европейских государств новыми китайскими крепостными стенами, снабдив их своими гарнизонами и своими пушками, но за то они предоставили каждому из "Соединенных Штатов Европы" устраиваться, по былой американской системе, на свой особый лад, без права носить и

иметь какое бы то ни было оружие. Даже ножи и вилки исчезли из употребления; все в Европе с тех пор ели, как в Китае, только ложками и палочками. Германия при этом с удовольствием сохранила свой "юнкерский ландтаг", Италия - "папство", Англия - "палату лордов" и "майорат", Франция - сперва "коммуну", а потом "умеренную республику", президентами которой, с 1935 по 1968 год, были деятели с разными громкими именами, между которыми Порошин насчитал пять Гамбетт и двенадцать Ротшильдов. По прекращении "династии Гамбеттидов" (так и выразился календарь), Франция большей частью состояла под местным верховным владычеством президентов-евреев из банкирского дома Ротшильдов. Перенесясь в 1968 год, Порошин, следовательно, застал французов под управлением Ротшильда XII. Евреи-адмиралы в это время командовали французским флотом в океанах, еврей-фельдмаршалы охраняли, во имя китайского повелителя, французские границы, и еврей-министры, с президентом в пейсах и ермолке, встречали правящего Европой богдыхана, Ца-о-дзы, при недавнем

триумфальном посещении последним Парижа, отчего и до сих пор, вторую неделю, парижские улицы и дома были увешаны флагами. Французская республика, с поры окончательной победы жителей Небесной империи, мирно и дружно ужилась с китайским богдыханством. Прежде у французов империя чередовалась с республикой. Теперь у них разом и рядом, к общему удовольствию, были и та и другая. "Вот почему на монетах, данных мне армянином,- догадался Порошин,- с одной стороны вычеканены "Равенство, свобода, братство" - и надпись "Французская Республика", а с другой стороны - внушительная китайская бамбуковая палка". Вышел Порошин из книжной лавки при вечернем освещении. Улицы и площади Парижа горели яркими, какдневной свет, электрическими солнцами. Проголодавшись, он зашел в громадный ресторан с надписью "Столица мира Пекин", где вся прислуга была одета китайцами. Он потребовал себе модных блюд; ему подали жареного фазана и рисовой каши, которые он торопился есть, чтобы не опоздать в театр. Но он заметил, что другие посетители "Пекина",

между едой, брали со стола какие-то трубочки и подносили их к ушам. Он осведомился у гарсона, - что это? Ему ответили: "Телефон". - Да в чем же дело, не понимаю? (Тогда, в 1868 году, еще не знали этого изобретения.) Ему объяснили, что каждая из трубочек, лежащих на столе, была соединена проволокой с различными театрами, - оперой, водевилем, концертною залой, - и что за небольшую, особую плату посетитель может, кушая, в то же время следить за любой парижской и даже более отдаленной сценой. Порошин поднес к уху первую попавшуюся трубочку: ему послышались аплодисменты, которыми публика встречала какую-то актрису в театре. Он поднес к уху другую трубочку: стали слышны заключительные, нежные рулады концертной арии, исполнявшейся в ту минуту в опере знаменитым кантонским певцом. Уходя из кафе, Порошин поднес к уху третью из трубочек: ему послышалась речь, в какой-то аудитории, о превосходстве реального элемента в искусстве, а именно - об окончательной замене фотографией всех родов живописи. Так проспал Порошин в Париже, или, как ему

несомненно казалось, прожил семь условленных, веселых и беззаботных дней будущего тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. Денег, взятых Порошиным у армянина из XIX века, оказалось вдоволь, потому что все, и в тогдашнем Париже, было сравнительно дешево. Он посещал всевозможные, особенно модные увеселения. Все стремились в громадный железный и каменный, на манер древнеримского, Колизей. В моде были звериные травли, бой быков, борьба низших человеческих рас с тиграми и львами, конские скачки с невероятными препятствиями - через пороховые погреба с зажженными факелами, через динамитные батареи - и единоборство петухов и крыс. Все это производилось в названном Колизее. Роль древних гладиаторов-рабов исполняли в борьбе с дикими, пускаемыми на арену зверями нарочно для этой цели привозимые из внутренней Африки жители озера Нианзе и Танганьики. Когда на арене Колизея лилась звериная или людская кровь, парижские дамы пили шампанское и бросали из лож победителям роскошные букеты, которые во время оно бросались Патти и Дженни

Линд. Порошин от Колизея переходил к бесчисленным кафешантанам, от последних к пирушкам с молодыми людьми, между которыми приобрел много знакомых. Удивляясь, что он стал способен к этого рода забавам, он нередко входил в споры с простодушными, всем и всегда довольными французами. Узнав, что Порошин русский, парижане были с ним особенно любезны. Он не стеснялся в беседах с ними. - Да полно, какая же у вас республика, когда вы покорены китайским богдыханом и, в его декретах, именуетесь его рабами? Где же ваша свобода? спрашивал Порошин парижан. - О, китайцы... они лучшие и добрые друзья... - Но какие же вам они друзья, когда вы с прочею Европой им платите такую страшную дань и их знамя веет над стенами некогда славного Парижа? - Зато мы избавились от царства адвокатов... Нет более адвокатов, говорили ликующие парижане. - Есть только прокуроры и милующий богдыхан... Порошин узнал, что правосудие в ХХ веке очень упростилось. Давно замечая, что спиртные напитки и отчасти хлороформ развязывают язык, тогдашние ученые стали делать

остроумные опыты и изобрели особую жидкость, из которой добыли газ, названный спиртохлороформом или алколохлоралом. Напуская этот газ в особую комнату, прокуроры силой вводили туда подозреваемых и подсудимых, и последние, надышавшись предательским испарением, теряли главное из чувств силу воли, после чего прямо диктовали стенографам все, что делали и говорили, все, что у них было в сокровенных помышлениях. С тех пор упразднились полицейские дознания, предварительные и судебные следствия, очные ставки, перекрестные допросы, доносы и отделения явных и тайных сыщиков. - Потом, извините, вы всегда кичились свободой и мягкостью ваших нравов, допытывал французов Порошин. - А у вас вон и теперь существует казнь... - Нельзя! - отвечали находчивые парижане. - Каждый народ имеет право принимать меры в ограждение своей безопасности от преступников и злодеев! - Но еще нелепость... Вы кичитесь республикой, равенством, свободой, а у вас, кроме китайского, общего всем вам гнета, есть еще местный, частный гнет... еврейский! Кроме мно-

гих прежних династий, вы проходите наконец через династию израильских президентов своей республики, Ротшильдов... Извините, но это-позор! Евреи воссоздают у вас на троне Генриха IV и Людовика XIV, банкиры, биржевики красуются в креслах Робеспьера и Мирабо... Этого не представляла история даже таких торгашей, как англичане; у них тоже были и есть свои Ротшильды, но те у них не шли и не идут дальше банкирских контор и нескораемых сундуков... - Это мы сделали поневоле. - Как поневоле? - Евреи с началом нынешнего, XX века, через свои банкирские конторы, завладели всею металлическою монетою в мире, всем золотом и серебром. Производя давление на бирже, они получили неотразимое влияние и на выборные классы великой, но завоеванной китайцами Франции. Зато при первом же президенте из дома Ротшильдов у нас оказался финансовый рай: полное равновесие прихода с расходом в бюджете, устройство всех общественных отправлений на акционерный лад и окончательное введение удобных бумажных денег, вместо металлических... - Но вы говорите, что Рот-

шильдды взяли верх через захват в свои руки всех металлов в мире? - Да, золото всего мира перешло к ним, они им и донныне владеют, а нам за него предоставили, в виде векселей на себя, очень красиво отпечатанные ассигнации. Это значительно удобнее, их легко носить в кармане. Золото любят у нас носить одни, как вы, иностранцы. - Вы упомянули также об устройстве всех общественных нужд на акционерный лад. - Точно так. - Как это случилось? - За примером не далеко ходить. Со вступлением в управление Ротшильдов исчезли окончательно в домах лампы, печи и графины. - Не понимаю, как это? - спросил Порошин. - Разве изменился климат, пропала зима, солнце не заходит с той поры и люди не нуждаются в питье? - Вы недостаточно поняли меня, - ответил француз, с улыбкой вглядываясь в Порошина. - Я говорю только, что печи, графины и лампы окончательно исчезли, с мудрым президентством Ротшильдов, не только у нас, но, полагаю, и в других цивилизованных городах. А что эти редкости доброй старины действительно исчезли, это вам, вероятно, известно... и вы их теперь увидите

разве только в музеях диковинок прошлых времен... Порошин боялся далее об этом спрашивать, чтоб не возбудить подозрения на свой счет. Он вскоре лично убедился, что каждый дом и каждая комната в новом Париже получали тепло, свет и воду из общего резервуара этих материалов, устроенного в нескольких километрах за городской стеной. Он взял духовой фиакр, нарочно съездил и осмотрел это замечательное, монументальное здание, доставлявшее особыми проводниками для парижан электрический свет - в их здания и уличные фонари, воду - в кухни, бани, умывальные столы и прямо в прицепленные к столам на гуттаперчевых трубочках стаканы и другие сосуды, и тепло - в каждый дом, в каждый обитаемый уголок. Все ограничивалось кранами: повернешь один - в комнате засветит яркая электрическая луна, повернешь другой - наливается сквозь мягкую трубочку в сосуды вода, повернешь третий - в холодной комнате становится, по желанию, тепло и даже жарко. Проводники этих снадобий управлялись особыми регуляторами, экранами, градусниками и другими измери-

телями для расчета с акционерным обществом их поставщиков. Это любопытное "центральное водо-, тепло- и светохранилище" Порошину показывал бойкий и говорливый привратник - "портье", хотя француз, но с итальянским профилем лица, одетый в цветное китайское полукафтанье и с длинною, щегольски заплетенною, до пят, косою, по фамилии Бонапарт. - Вы носите громкую фамилию? - спросил, смутившись, Порошин. - Не происходите ли от былых во власти Наполеонидов? Их династия когда-то здесь правила... - О, мосье! Вы правы! - грустно ответил, покуривая особую сигаретку с примесью опиума, портье. - Мало ли что было в старину? Нам, скромным и верным слугам богдыхана, нет дела до прошлого этой счастливой страны... Вы, как иностранец, встретите и гарсонов в отелях из этой же, ныне обедневшей фамилии, и ветошников, и продавцов каштанов и газет. Это все мои дяди и кузены... Благодаря многоженству много у каждого из нас, бедных провинциалов, родных. - Какому многоженству? Разве во Франции мормонизм? - Не знаю, мосье, что вы хотите сказать этим муд-

ренным и мне непонятным словом. Только многоженство даровано Франции в правление предпоследнего из мудрых Ротшильдов, ныне правящих нами во имя пресветлого богдыхана, даровано в награду за допущение этой гениальной банкирской расы ко всем тайнам нашей государственной казны. - Но почему же Ротшильды вас наделили именно этой наградой? - А как же? - ответил с чопорностью ученого знатока самодовольный портье Бонапарт. - У Авраама и прочих праотцев было по несколько жен. Ну, а введя иудейское исповедание в счастливой, процветающей Франции, наши новые правители рекомендовали и этот обычай. - Так и еврейская вера введена у вас? - Если хотите, у нас нет теперь уж никакой веры, - спокойно улыбнулся привратник. - Китайцы на этот счет особенно покладливы и дали нам полную свободу. Проповеди у нас заменены поучительными воскресными фельетонами министерских газет, а большинство обрядов - нотариальными актами. Прибавилось только нотариусов и их писцов. - Брак, однако же, очевидно сохранился, если у вас введено многоженство? - спро-

сил Порошин.- Какой, скажите, у вас брак, гражданский или тоже... китайский, то есть никакой?.. И на какие сроки? - Брак у нас действительно китайский, то есть примененный, в духе века, к формам юридического поддержания имущества, или найма прислуги, квартир,- на год, на месяц и даже, для желающих, на более короткие сроки... О, мосье, китайцы - первые люди в мире.

* * *

...Порошин не заметил, как шли его минуты, часы и дни. Парижские новые нравы и особенно дамские наряды его повергали в изумление. Парижанки носили невероятные костюмы или, скорее, ходили почти вовсе без костюмов. На улицах и в гостях Порошин на них видел еще некое подобие легких, широких, в китайском вкусе, бурнусов, сандалий и шляп. Дома же и на театральных сценах они, вместо одежд, как дикари, имели лишь красивые, убранные дорогими, искусственными камнями пояса, да и на ногах, руках и шеях - золотые, серебряные и алюминиевые браслеты, кольца, запястья и ожерелья. Каждая только и делала - купалась, душилась, за-

плетала волосы, кушала, посещала театры, звериные травли и влюблялась... Для Порошина, вообще сдержанного и неохотника до пустых развлечений и забав, начался ряд таких эксцентрических походов, такой душевной и сердечной суеты, что он сам себе не верил, удивляясь, откуда у него берется такая пустота и такой задор. Кутежи с уличными шалопаями, сидение по целым дням перед бычачьими и петушиными боями в Колизее, ужины с убранными в браслеты и кольца красавицами, посещение местных палат и скачек на искусственных, движимых сжатым воздухом лошадях и прочие развлечения до того замотали и вскружили голову Порошину, что он, и без того слабый здоровьем, окончательно выбился из сил. Он особенно потом помнил свой последний день, проведенный в 1968 году. В этот последний, роковой, седьмой день, в последние часы, минуты и секунды, перед условным досадным пробуждением, Порошин, - как он это ясно вспоминал впоследствии, - бешено и злобно хохоча в глаза какому-то французскому академику, раздражительно-едко повторял: - Вы все изобрели и

все выдумали! Надо вам отдать честь! Вы испытали и несете на себе иго евреев и китайцев, а летать по воздуху все-таки не сумели и не изобрели... Достигли этого все-таки русские, русские, русские!.. Озадаченный французский академик только на него поглядывал. - Притом... что у вас за нравы, извините, и какой цинизм во всем. Хоть бы эти костюмы у ваших женщин... ха-ха! Одни кольца да запястья, как у дикарей... - Но, позвольте, вмешался француз,- вы хоть и русский, но разве и у вас не введены такие же моды? Париж и теперь по этой части законодатель. Откуда же вы, что этого не знали и этому удивляетесь? - Я с Крайнего Севера, из Колы,- смешавшись, продолжал Порошин.- Да не в том дело, хоть бы и у нас вы ввели такую же распущенность! Далее... Вы вконец убили девственность и невинность невесты,- уничтожили святую роль матери. Все женщины у вас кокетки, да, кокетки! знаете это... древнее слово? - Не слышал. - У вас во всем невообразимый, разнузданный и дикий произвол страстей,- Мы зато чужды предрассудков,- возразил с достоинством академик. - У нас

езде поклонение природе, реальность. - Это, пожалуй, забавно, но дико, дико до невозможности! - горячился и кричал на площади Трона Порошин, где происходил этот обмен его мыслей с ученым.- У вас полное падение искусств, поэзии, живописи, музыки! Ваша живопись заменена китайщиной, безжизненной, сухой, ремесленной, всюду лезущей и все поглощающей фотографией. - Зато дешево, схоже, как дважды два, с природой и избавляет от пестроты красок. - Нет, нет и нет! - кричал Порошин.- Фотография - сколок одного, мелкого и ничтожного момента природы; художественная живопись - могучее зеркало природы, в ее полном и идеальном объеме!.. Потом музыка, - Бог мой! - что у вас за музыка! Вагнеровщина, доведенная до абсурда...слышали про Вагнера! - Это что за имя? в древности были Моцарт, Бетховен, Россини, - о Вагнере никто не знает... - Был такой чудак, делавший с музыкой, как с кроликами, опыты сто лет назад. Вы, теперешние французы, развили его идеи и показали в точности, в какие трущобы нас вел этот и ему подобные борцы за музыку будущего... Мелодия у вас ис-

чезла; ее больше нет и следа! Ни песни, ни
былого, задушевного, чудного французского
романса, ни единой сносной музыкальной
картины... Волны бессмысленных тонов и зву-
ков, без страсти и без выражения,- хаос!.. На-
конец, иду далее... куда вы дели драму, высо-
кую комедию? - Это что такое? - удивился ака-
демик-француз. - Вы заменили комедию и
драму,- не стану вам объяснять их значения,
если их забыли теперешние парижане! - с
грустью сказал Порошин. - Вы заменили все
это глупейшим, но реальным водевилем с пе-
реодеваньями, гнусным сумбуром циниче-
ских, будничных, уличных сцен, как замени-
ли былую оперу шансонетными дивертис-
ментами, да притом в такое время, когда и
все-то ваши шансонетки сплошь лишены те-
ни мелодии, живого, задушевного мотива, на-
равне со всею вашею музыкой... - Мы, реали-
сты, вас, к сожалению, совершенно не пони-
маем! - отозвались на площади некоторые
слушатели этого спора. - Вы, мосье, точно вы-
шли из какого-то допотопного архива, точно
явились с того света, из отдаленной прадедов-
ской старины, - Да, вы правы! Я жил и дышал

иным веком, иною эпохой! Я вас не понимаю и от души сожалею! - произнес с новою запальчивостью Порошин.- Вы презираете все, что не ведет к практической, обыденной, низкой пользе! Вы пренебрегаете идеями великого философского цикла и дали развитие одному практическим, техническим, не идущим далее земли, наукам и ремеслам. Вы отдали луч солнца за кусок удобрения, песню вольного, поэтического соловья за мычание упитанной для убоя телушки, а Вольтера и Руссо,- вероятно, вы не забыли хоть имен этих светил вашей страны? - променяли на тупицу Либиха и другого тупицу, Вирхова. Надеюсь, этих-то ваших апостолов вы отлично знаете и помните донныне? - Зато мы верны природе! - повторил академик-француз, закуривая у столика ресторана кальян с опумом, - Зато вас, свободных французов, покотили и завоевали китайцы и поработили еврей,- с бешенством ответил Порошин...

ПОСЛЕСЛОВИЕ ПУБЛИКАТОРА

Кажется невероятным, но рассказ "Жизнь через сто лет" написан во второй половине прошлого столетия знаменитым историче-

ским романистом , автором таких шедевров, как "Княжна Тараканова", "Сожженная Москва", "Мирович"... Пришлась по вкусу нашим прапрабабушкам и прапрадедушкам и приключенческая трилогия об освоении приазовского края, и повествования о малороссийской старине. Г.П.Данилевского (1829 - 1890) много и охотно переводили в Западной Европе, там величали его "русским Фенимором Купером". После появления "Жизни через сто лет" друзья и почитатели Григория Петровича вначале как бы оцепенели: что за немыслимые картины явил он в отдаленном будущем? Кто поверит, что процветающая европейская держава впадет вдруг в рабскую зависимость от азиатских владык? Допустим, в тоннель под Ла-Маншем, соединивший Англию и Францию, уверовать еще можно. Но сражение рабов с дикими зверьми? Но пыточный газ, заставляющий узника признаться в каком угодно преступлении? На все вопросы и возражения Григорий Петрович обычно отмалчивался, и окружающие в конце концов посчитали рассказец причудою знаменитого писателя, безделицей, не более.

Однако в наши окаянные, заколдованные телевизионными бесами времена творение Данилевского нежданно-негаданно материализовалось. Разве мы, беспризорники постсоветского пространства, не ощущаем себя рабами западной цивилизации, когда безоглядно отдаем за бесценок нефть, газ, лес хитрющим толстосумам? Разве не истребляли друг друга новые гладиаторы в Карабахе, Приднестровье, Чечне? Что же касается пыточного газа, то в нынешних воровских разборках, при дележе награбленного у народа, есть средства и пострашней. Вот и выходит, что наш исторический романист наделен был еще и даром провидеть будущее. Однако не зря сказано: нет чести пророку - ни в доме своем, ни в отечестве своем. Современники Данилевского от пророчества его отмахнулись, а расплачиваться приходится нам - грешным потомкам. И последнее. "Жизнь через сто лет" значится в 8-ом томе "Библиотеки русской фантастики XI - XX веков", что выходит в издательстве "Русская книга" усилиями автора этих строк. Том назван "Призраки" - по известной фантастической повести Тургенева. Между прочим,

В нем нашлось место еще для одного неизвестного шедевра - рассказа "Знамение на кровле" Н.Г.Чернышевского, где, опять-таки во второй половине XIX века, впервые предсказано появление термоядерной бомбы, Да внемлем пророкам своим!

Юрий М. МЕДВЕДЕВ